

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.148.142>

ТЕЛО И ТЕЛЕСНЫЙ ДИСКУРС В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ
НАЧАЛА XX ВЕКА

Научная статья

Гущина К.Н.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-7235-6263;

¹ Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (k.churzina[at]yandex.ru)

Аннотация

Категория телесности является одной из важнейших миромоделирующих категорий в поэтическом дискурсе конца XIX – начала XX века. Телесность как сложная многомерная структура может быть репрезентована в текстовой реальности как явно, так и имплицитно, и становится сквозным принципом репрезентации поэтической картины мира рубежного периода развития лирики исследуемого периода. В настоящей работе представлен анализ поэтического дискурса русских символистов как интересного эстетического феномена рубежа веков с позиции наличия в нем телесной компоненты в аспекте перцептивности. В работе описаны некоторые тенденциозные особенности телесного кода лирики символистов. В статье обосновывается гипотеза о том, что в основе формирования образов, передающих психические состояния субъекта речи, лежит смысловой акцент на объективизации внутренней жизни посредством анатомического и чувственного модуса телесности.

Ключевые слова: символизм, дискурс, телесность, перцептивные образы, соматосфера, образ сердца, поэтическая картина мира.

BODY AND CORPORAL DISCOURSE IN THE POETIC WORLDVIEW OF RUSSIAN SYMBOLISTS OF THE
EARLY XX CENTURY

Research article

Gushchina K.N.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-7235-6263;

¹ Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russian Federation

* Corresponding author (k.churzina[at]yandex.ru)

Abstract

The category of corporeality is one of the most important world-modelling categories in the poetic discourse of the late XIX – early XX century. Corporeality as a complex multidimensional structure can be represented in the textual reality both explicitly and implicitly, and it becomes a transversal principle of representation of the poetic worldview of the boundary period of the development of the lyrics of the studied period. This work analyses the poetic discourse of the Russian symbolists as an interesting aesthetic phenomenon of the turn of the century from the position of the presence of the corporeal component in it in the aspect of perceptivity. The paper describes some tendentious features of the corporeal code of the lyrics of the symbolists. The article substantiates the hypothesis that the formation of images conveying the mental states of the subject of speech is based on the semantic emphasis on the objectification of inner life through the anatomical and sensual modus of corporeality.

Keywords: symbolism, discourse, corporeality, perceptual images, somatosphere, image of the heart, poetic worldview.

Введение

В начале XX века в эстетике поэтического слова произошла смена художественной парадигмы. Художественное мышление нового типа обнаружило себя в особом отношении авторского сознания и эстетического объекта. Формирование новой поэтической системы отмечено актуализацией одной из ключевых миромоделирующих координат, важнейшей из которых является телесность, и воздействия на телесную сферу восприятия. А. Блок, связывая эти изменения с историческими реалиями того времени, писал: «глубинные изменения в мире социальном, в мире духовном и в мире физическом» [1, С. 10]. Социокультурные и исторические пертурбации, отмеченные поэтом, нашли свое выражение и в художественном опыте словесного творчества, при котором, согласно концепции исследователя С. Н. Бройтмана, «стихи, предметы и природа являются в равной мере действующими лицам» [9, С. 287]. Такие изменения в глубинной структуре художественного текста в специальной литературе объединены таким теоретическим понятийным знаменателем, как «поэтика смыслового сдвига».

Как было сказано выше, трансформация в поэтической системе начинает закладываться еще в конце XIX – первых десятилетиях XX века в поэзии русских символистов. Этот период формально можно датировать 1892 годом, когда Д. Мережковский прочитал лекцию «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», теоретически обосновав новый путь литературного развития.

Теоретико-методологическую базу настоящей статьи составляют фундаментальные труды С. Бройтмана в области теории лирики, а также исследования отдельных категориальных аспектов – А.Н. Веселовского, Л.С. Выгодского и Е. Фарина, определяющие категориально-понятийный аппарат художественного текста.

Данная статья ориентируется на принципы системного подхода и базируется на сочетании мифопоэтического, структурного, мотивного методов анализа.

Основные результаты

Новый принцип поэтики начинает закладываться еще в лирике русских символистов. Подверглась кардинальным изменениям традиционная дихотомия «дух–тело». В поэзии начала XX века данная оппозиция стала важным репрезентантом, отражающим новые философские и культурные тенденции. И хотя в бытовом сознании символистский метод поэтического осмысления представляется чем-то неведомым, ориентированным на запечатление неуловимого, иллюзорного, при более глубоком анализе становится ясным, что такой взгляд является весьма поверхностным. И в качестве *гипотезы* рассмотрим тезис о том, что ключевая задача символистов облечь в плоть все невыразимое. Следовательно, символистская поэтика телесна, поскольку зиждется на основе символа, который суть «претворенное в плоть единство», и признан воздействовать именно на телесную сферу (психоэмоциональную) воспринимающего субъекта. Цель настоящей работы – вычленив ключевые соматические образы и рассмотрев некоторые принципы организации поэтической картины мира, определить специфику организации телесного аспекта поэтики лирики русских символистов.

XX век в силу ряда объективных причин отмечен особым интересом к сфере телесного бытия человека. Парадоксальным и вместе с тем интересным кажется тот факт, что обращение к материально-телесной сфере человеческой экзистенции открыло к осмыслению проблему бессознательного начала в человеке и его роль и репрезентацию в художественной картине мира. В этой связи художественное высказывание (в особенности поэтическое) мыслится как аксиологически значимый, индивидуальный акт бессознательного в противовес романτικο-идеалистической концепции творчества XIX века, согласно которому поэзия представлялась как озарение, вдохновение, нисходящее свыше. Так, «художественное произведение вызывает наряду с сознательными аффектами также и бессознательные, гораздо большей интенсивности и часто противоположно окрашенные. Представления <...> должны быть так избраны, что у них <...> были бы достаточные ассоциации с типичными бессознательными комплексами аффектов» [6, С. 112], так рассуждал о психологическом базисе искусства, в том числе и словесного, Л.С. Выгодский в своей работе «Психология искусства». Иными словами, художественное слово в «поэтике художественной модальности» мотивировано, наряду с другими факторами, еще и личными бессознательными комплексами, запечатленными в словесном образе, а следовательно, не всегда обусловлены денотативной соотносительностью.

Итак, поэтика телесности лирики русский символистов основана на амбивалентной природе символа, как социокультурного и психологического феномена, хранящего в своей структуре акты коллективного бессознательного, выраженных в том числе через мифологические образы и архетипы. Согласно, поэтической формуле В. Брюсова, символ, в отличие от слова или понятия, должен материализовать то, что «нельзя просто изречь». Символ позволяет фиксировать в своем содержательном плане триединство «бытие-инобытие-небытие». А это значит, что символ способен выразить, помимо духовных и трансцендентных универсалий, еще и огромный пласт телесного бытия человека, представленный «продуктами» высшей нервной деятельности человека – органами чувств, психоэмоциональной сферы, актами бессознательного и т.п. Иными словами, лирическое сознание символистов обращено внутрь себя и телесно настолько, насколько психофизиологичен образ лингвокреативного сознания автора, закодированного в тексте и проявленного в том числе через различные формы авторского присутствия. Отсюда актуализация в символистском дискурсе таких элементов поэтики, как обращение к «музыкальной потенции слова», взаимообусловленность и ассоциативное соответствие между физическими явлениями природы – запахами, цветами, звуками, «внушениями эмоций», ритмическими отклонения, олицетворением неведомого, вербализация актов бессознательного и иррационального и мн.др.

Для символистов телесность была не только физической реальностью, но и тонким переплетением мифических и духовных смыслов. Образ тела в их поэзии часто представляется как пространство, где миф и реальность пересекаются и воплощаются в символических метафорах. В. Брюсов, А. Белый, А. Блок и З. Гиппиус, – все они использовали мифические символы для усиления своих концепций телесности. В. Брюсов, например, видел тело как храм души, уподобляя его античным и египетским скульптурам, которые, несмотря на свою каменную природу, обладали внутренней живостью и божественной сущностью. А. Белый часто прибегал к образу тела как к сосуду для мифических энергий, перенося внимание читателя от обыденного к космическому. А. Блок фокусировался на контрасте между телесным и духовным, где мифические символы, такие как Венера или Деметра, выступали связующим звеном между двумя мирами. В стихах Гиппиус телесность часто носит характер сакральной мистерии, где каждый жест и движение тела наполнены символическими значениями. Таким образом, символисты не просто воплощали миф в телесности, но и активно использовали мифические образы для создания сложных, многослойных концепций тела, которые носили как личный, так и общепсихологический характер.

Телесность у символистов часто приобретает форму мифологических сущностей, таких как нимфы, сатиры и ангелы, что отражало их стремление уйти от обыденности и приблизиться к вечным, божественным истинам. Для символистов свойственна контаминация различных мифологических сюжетов, наиболее ярко это проявилось в драматическом творчестве (Вяч. Иванов трагедии «Тантал», «Прометей»).

В лирике же обращение к мифотворчеству сказалось на попытках стилизации мифов, например, в лирике С. Соловьева. А. Белый, использовавший миф о Пигмалионе, показывал, как телесность может быть преобразована под воздействием духовных стремлений автора. В его поэзии тело становится не просто физической оболочкой, а живым воплощением божественных идей, где мифологические символы помогают раскрыть эту трансформацию. У А. Блока мифические символы часто связаны с темой любви, где телесность играет решающую роль в осознании духовного единства с миром. Его образ Прекрасной Дамы, напоминающий изображения библейских героинь и древнегреческих богинь, пронизан символикой телесности, играющей роль проводника между земным и небесным. В. Брюсов,

обращаясь к образам античных и египетских божеств, использует миф для создания образов канонической красоты, воплощенной в человеческом теле. З. Гиппиус же часто обращается к языческим символам, ее тело становится ритуальным предметом, через который она познает и передает свою сакральную эгоистичность. Символисты, используя мифологические образы и символы, создают многоуровневую концепцию тела, где каждый слой предлагает свое понимание телесности.

Символическая интерпретация телесности у русских символистов также часто включает в себя идею преодоления плоти через мифические символы. В этом контексте миф служит своего рода мостом между ограниченностью физического тела и безграничностью духовного существования. Образы телесности, вплетенные в мифологический контекст, становятся метафорами поиска смысла жизни и самоидентификации. А. Блок, к примеру, в своих поэмах и стихах использует мифологические символы как инструменты для размышления о трансцендентной природе человека. Его Прекрасная Дама символизирует идеализированную телесность, через которую поэт стремится уловить божественные аспекты человеческой души. А. Белый, в свою очередь, обращается к мифам об Орфее и Эвридике, где прямая связь между телесностью и мифологической символикой помогает раскрыть трагедию человеческого существования и любви. Тело Орфея, расщепленное и разорванное, становится символом душевного страдания и поэтической одержимости. В. Брюсов активно использует образы древнегреческих и египетских религий, где телесность часто представляется в форме идеального, вечного тела, воплощающего нечто большее, чем просто физическое существование. З. Гиппиус же стремится к созданию особой, сакральной телесности, где миф служит парадигмой для осмысления собственного тела как священного сосуда для духовных поисков. Таким образом, символисты, через призму мифов, создают сложную и многослойную поэтическую картину телесности, где каждый элемент становится частью грандиозной мозаики, раскрывающей глубинное понимание человеческой природы.

Необходимо отметить, что анатомический аспект телесности в символистском дискурсе, действительно, представлен весьма редуцировано и лишь отдельными традиционными соматизмами (*сердце, лицо и его части – глаза, губы, лоб, волосы, руки* и т.д.), а сама категория телесности еще не стала полноценным объектом поэтической рефлексии. В то же время образ анатомического тела в поэзии русских символистов является не простым отражением физической данности, но сложным символом, связывающим земное с божественным, материальное с духовным.

Так, традиционный и наиболее распространенный соматический образ сердца нередко метонимически замещает всего человека и его восприятие. Помимо канонических его значений, символисты воспринимали сердце средоточием душевной и духовной жизни, вмещающим глубокий переживаний и эмоций. Здесь необходимо подчеркнуть, что русская лирика конца XIX – начала века манифестируется русской религиозно-философской мыслью. Один из интересных функционально-дифференцируемых подходов к интерпретации образа сердца и его символическо-мифологического потенциала демонстрирует религиозный мыслитель В.Ф. Войно-Ясенецкий в сборнике поучений «Дух. Душа. Тело». Сердце трактуется русским богословом как один из органов чувств, органов познания и общения с Богом, «инструментом» приобщения к идеальному, трансцендентному. Неслучайно, В.Ф. Войно-Ясенецкий приписывает сердцу речемыслительную и коммуникативную функции. Поэты-символисты расширили и углубили семантический потенциал данного образа за счет когнитивных возможностей образа, что повлекло за собой дискурсивную конвергенцию прочтения. «Видное место в деле познания» образу сердца отводится ввиду его роли и соотносительности с рефлексии: «Сердце – второй орган восприятия, познания и мысли» [5, С. 46]. Например, в поэме А. Блока «Двенадцать» сердце символизирует желание свободы и самопознания.

Символистское стремление запечатлеть мир идей, «просвечивающий сквозь реальный», продуцирует особое внимание к миру к поэтическому исследованию психо-эмоциональной сферы человека, в особенности пограничных его состояний – *крайней экзальтации и психопатии*. Психические состояния субъекта речи в поэзии часто отражаются через сильное эмоциональное напряжение, трансцендентные переживания и глубокую внутреннюю трагедию. Символисты стремились выразить сложность и многогранность человеческой души, ее внутреннюю противоречивость и поиск высшего смысла, поэтому телесные образы конструируются на основе перцептивных впечатлений. При этом даже традиционные анатомические образы семантизируются в несвойственных им контекстах.

Одно из ключевых психических состояний, которое часто встречается в символистической поэзии, – это *меланхолия*, отсюда преобладание медитативно-элегической лирики, поскольку лирика предсимволистов, как и символистов, генетически восходит и несет на себе отпечаток романтической традиций. Лирические герои символистов ощущают глубокую тоску, ностальгию по утраченному идеалу, неразрешимые внутренние конфликты. Они могут быть погружены в мир грусти, тяжести и безысходности. В символистической поэзии также встречается состояние *экстаза* или *транса*. Лирический герой может быть поглощенным мистическими переживаниями, ощущением связи с высшим миром или потерей реальности. Это состояние может быть как благодатным и возвышенным, так и пугающим и пугающим.

Ощущение *одиночества* и *изоляции* также является важным психическим состоянием в символистической поэзии. Лирический герой может ощущать себя отчужденным от окружающего мира, неспособным найти истинное понимание и сопереживание. Он может быть пленником своих собственных мыслей и чувств, отчаянно искать выход из этой изоляции.

С теорией символа перекликается художественная концепция субъективно-авторских *ассоциативных соответствий*, согласно которой все чувственно воспринимаемые явления – цвета, звуки, запахи – оказываются взаимообусловлены. Символистская телесная образность выстраивается, в первую очередь, на перцептивном аспекте телесности. Уподобление чувственных ощущений различной природы друг другу, с одной стороны, создает возможность воплотить мистическое переживание трансцендентального (В. Брюсова «Творчество», К. Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени», З. Гиппиус «Швея», «Любовь одна», Д. Мережковского «Голубое небо»), с другой стороны, позволяют создать глубокий олицетворенный суггестивный образ, рассчитанный на чувственное восприятие

(И. Анненский «Чайка», «Зимний сон», В. Брюсов «Раб», А. Блок «Болотные чертенятки», «Ты оденешь меня в серебро»).

Расширению перцептивного впечатления образа способствуют приемы *синестезии, цветописы и звукописы*. Телесность в лирике символистов посредством указанных выше приемов формирует особую поэтическую атмосферу, в которой слова становятся не только носителями информации, но и сами по себе имеют эмоциональную и символическую значимость. Сочетание различных чувственных восприятий, таких как звуковая палитра, цветовые образы и запахи, создает гармоничное и многогранный образ мира, продуцированный таким явлением, как синестезия. Поэты символистического направления стремились передать тонкую душевную составляющую мира, и синестезия стала одним из способов достичь этой цели. Они переносили звуки на холсты цвета, встречали цвета голосами и запахами, наделяя стихи чувственной мощью. Сочетание музыкальных инструментов с определенными красками создавало непередаваемую гармонию в стихотворениях. Замысловатые метафоры, в которых сплелись цвета и звуки, переносят читателя в иной мир, в мир чувственных восприятий, отличных от повседневной реальности, что, в свою очередь, помогает воспроизвести такую художественную атмосферу, в которой слова приобретают эмоциональную и символическую значимость. У Н. Минского в поэтическом высказывании «Еще я не люблю...» [8] читаем: ... *Уже душа моя печалью занялась, / И предрассветною, стыдливою звездой / Надежда робко в ней зажглась*». Приведенные строки демонстрируют развернутую метафору сложных переживаний субъекта речи, построенную на олицетворении неодушевленного (звезда) и абстрактного объектов (надежда), выполняющие самоценную художественную функцию.

В. Брюсов использовал синестезию для создания захватывающих чувственных образов в своих стихотворениях. Поэт создает необычные цвето-звуковые сочетания (*«Зеленых лун пунцово-желтый свет, / Плавающих звуков пурпурное сиянье»* [8]), иллюстрирующие, как звук и цвет сплетаются в единое восприятие, обогащающее смысл произведения. У В. Брюсова особенно выделяется страсть к многосложным и визуально насыщенным образам, как например, в строках *«Синий звон металла, красная музыка битвы»* [8]. Автор не боится смешивать цвета, чувства и звуки, создавая тем самым новаторские образы, которые переносят нас в иные миры. Читатель, таким образом, становится не просто свидетелем поэтического творчества, но каждое произведение переживает как многомерную пространство-временную реальность.

Таким образом, синестезия в поэзии символистов стала средством передачи глубинных ощущений и впечатлений, создавая новую форму языка и раскрывая перед нами удивительный мир сочетания цветов, звуков и запахов. Даже из приведенных фрагментов видно, что лирический субъект «растворен» растворен в художественном пейзаже, не персонифицирован и не оформлен анатомически, однако призма чувственного восприятия мира субъектом делает поэтическую картину мира осязаемой и телесной.

Образы тела и приемы его поэтической репрезентации используются для усиления эмоционально-психологической напряженности произведений, поскольку именно соматические образы часто ассоциируются с переживаниями страсти, боли, любви и утраты, столкновения внутренних, зачастую противоречивых, импульсов. Например, образы телесных желаний и инстинктов встречаются у В. Брюсова не только для передачи собственно эротического напряжения, но и как символ высших духовных стремлений, воспринимается и как источник греховности и смертности, и как свидетельство красоты и дыхания жизни.

Похожим образом поэтика телесности раскрывается в лирическом творчестве А. Блока. Например, в его знаменитом цикле стихотворений «Стихи о Прекрасной Даме», в котором тело образа вечной женственности становится воплощением высшей красоты и духовного идеала и в то же время подчеркивает границу схождения физического и духовного. Образы анатомической телесности – *глаза, волосы, губы* – являются маркерами её духовной сущности.

В более поздней поэзии А. Блока можно наблюдать единство физического и духовного начал. Например, в стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека» урбанистические образы городской среды становятся зеркалом человеческого духа. И наоборот, телесность у А. Блока может утрачивать конкретные очертания, становясь эфемерной, духовной субстанцией, которая соединяет человека с вечностью.

Художественный метод репрезентации телесности А. Белого демонстрирует его попытку интерпретировать образы физическую оболочку человека как скрепа, которая фиксирует события мира трансцендентного. Например, в стихотворении «Солнце» поэт создает кумулятивную ассоциативную цепочку образов – *солнце – сердце, кудри*, через которые телесность представляется как знак сложного переплетения хронологических связей, перетекаемости, подвижности и изменчивости, постоянной метаморфозы внутреннего, реального и ирреального.

Кроме того, в поэзии А. Белого телесное трансформируется, претерпевая аллегорические превращения, отражающие внутренние эволюции персонажей и их духовный рост. Например, в стихотворении «На горах» эта изменчивость, метаморфозность телесности бытия и инобытия создает ощущение бесконечной динамики и непостоянства человеческой природы.

В поэзии З. Гиппиус тема религиозного поиска раскрывается через телесность. Тело здесь становится источником греха и искупления, локусом для столкновения скрытых сил. В её поэтических высказываниях часто возникают мотивы религиозного экстаза, когда телесность растворяется в духовном стремлении к высшему, к божественному. Так, в стихотворении «Пауки» поэтесса создает образы, в которых чувственно воспринятые образы пауков (*жиры и грязны*) и паутины (*сыра, мягка, липка*) осмысливаются в семантике физического бытия тела как «тесной кельи ... в зловонно-сумрачной пыли». В этом проявляется её стремление к синтезу и духовному преображению через телесное.

Посредством телесности в поэтике лирики З. Гиппиус раскрывается тема страдания, связанная с телесным опытом женственности. Через страдания её героини проходят путь духовного возвышения и самопознания. Телесная боль принимает характер не только физического, но и экзистенциального переживания, что наделяет её дополнительным смыслом. Так, в «Женском "нету"» драматическое переживание женской доли наделяет телесные образы и атрибуты

интенциями борьбы, где стремление к духовной чистоте и высшему смыслу сталкивается с неизбежной телесностью. Таким образом, женственность и телесность у З. Гиппиус оказываются двойственным явлением: они завораживают своей красотой и одновременно тревожат своими противоречиями, символизируя сложный путь поиска и обретения идентичности.

Заключение

Следовательно, на основании проведенного исследования можно говорить о том, что телесность в поэзии символистов, безусловно, не является самоцелью и служит инструментом для более глубокого познания мира. В то же время телесность активно начинает проявлять себя в качестве важнейшего материально-телесного знака, фиксирующего в себе сложную и глубокую природу символа как главного художественного «инструмента» мировосприятия символистов. Образ тела в символистской поэтике можно интерпретировать как метафору для выражения различных состояний души, социальных и исторических контекстов, а также для выражения философских и религиозно-мистических идей.

Телесность в поэзии русских символистов приобретает многогранный характер. Традиционная оппозиция «тело-дух» подчеркивает существование двух полюсов человеческого бытия – материального и метафизического и репрезентуется в поэтике лирических текстов посредством таких приемов, как синестезия для передачи чувственных ощущений и впечатлений, создавая новую форму языка и раскрывая мир в сочетании цветов, звуков и запахов. Символистская поэтика отличается глубоким исследованием внутреннего мира человека, его эмоциональных переживаний и душевных состояний, что делает ее образность перцептивно телесной при отсутствии цельного образа человека анатомического и физиологического. Лирический герой символистов является сложной и многогранной личностью, которая стремится найти свое место в мире и раскрыть глубину своей души.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Том 5. Поэмы и стихотворения. 1917–1921 / А.А. Блок. Под ред. М.Л. Гаспарова и др. — М. : Наука, 1999. — 529 с.
2. Бройтман С.Н. Символизм и постсимволизм (к проблеме внутренней меры русской неклассической поэзии) / С.Н. Бройтман // Постсимволизм как явление культуры : материалы международной конференции (10–11 марта 1995). — М. : РГГУ, 1995. — С. 24–28.
3. Бычков Д.М. Когнитивный потенциал теоцентрического сознания субъектов православного дискурса / Д.М. Бычков, К.Н. Гущина // Глобальный научный потенциал. — 2023. — № 4(145). — С. 235–237.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. — М. : Высшая школа, 1989. — 405 с.
5. Войно-Ясенецкий В.Ф. Дух, душа, тело / В.Ф. Войно-Ясенецкий. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1978. — 183 с.
6. Выгодский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выгодский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 448 с.
7. Ежов И.С. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней с вводной статьей Валерьяна Полянского / И.С. Ежов, Е.И. Шамурин. — М. : «Новая Москва», 1925. — 667 с.
8. Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917 : антология. — М. : Наука, 1993. — 784 с.
9. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Под ред. Н.Д. Тамарченко. — М. : Издательский центр «Академия», 2004. — 368 с.
10. Фарино Е. Введение в литературоведение : учебное пособие / Е. Фарино. — СПб. : РГПУ им. А.И.Герцена, 2004. — 639 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 20 tomah. Tom 5. Pojemy i stihotvorenija. 1917–1921 [The complete collection of writings and letters in 20 volumes. Volume 5. Poems and poems. 1917–1921] / A.A. Blok. Edited by M.L. Gasparov [et al.]. — M. : Nauka, 1999. — 529 p. [in Russian]
2. Brojtmán S.N. Simvolizm i postsimvolizm (k probleme vnutrennej mery russkoj neklassicheskoj poezii) [Symbolism and post-symbolism (on the problem of the inner measure of Russian non—classical poetry)] / S.N. Brojtmán // Postsimvolizm kak javlenie kul'tury : materialy mezhdunarodnoj konferencii (10–11 marta 1995) [Post-symbolism as a cultural phenomenon : Proceedings of the International Conference (March 10–11, 1995)]. — Moscow : RSUH, 1995. — P. 24–28. [in Russian]
3. Bychkov D.M. Kognitivnyj potencial teocentricheskogo soznaniya sub#ektov pravoslavnogo diskursa [Cognitive potential of the theocentric consciousness of subjects of Orthodox discourse] / D.M. Bychkov, K.N. Gushchina // Global'nyj nauchnyj potencial [Global scientific potential]. — 2023. — № 4(145). — P. 235–237. [in Russian]
4. Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika [Historical poetics] / A.N. Veselovskij. — M. : Higher School, 1989. — 405 p. [in Russian]
5. Voino-Yasenetsky V.F. Duh, dusha, telo [Spirit, soul, body] / V.F. Voino-Yasenetsky. — Brussels : Life with God, 1978. — 183 p. [in Russian]

6. Vygotsky L.S. Psihologija iskusstva [Psychology of art] / L.S. Vygotsky. — St. Petersburg : Azbuka, Azbuka-Atticus, 2017. — 448 p. [in Russian]
7. Yezhov I.S. Russkaja poezija XX veka. Antologija russoj liriki ot simvolizma do nashih dnei s vvodnoj stat'ej Valer'jana Poljanskogo [Russian poetry of the XX century. Anthology of Russian lyrics from symbolism to the present day with an introductory article by Valerian Polyansky] / I.S. Yezhov, E.I. Shamurin. — M. : "New Moscow", 1925. — 667 p. [in Russian]
8. Russkaja poezija «serebrjanogo veka», 1890–1917 [Russian poetry of the "Silver Age", 1890-1917] : anthology. — M. : Nauka, 1993. — 784 p. [in Russian]
9. Teorija literatury [Theory of literature] : textbook for students of philological departments of universities / Edited by N.D. Tamarchenko. — M. : Publishing center "Academy", 2004. — 368 p. [in Russian]
10. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to literary studies] : a textbook / E. Farino. — St. Petersburg : A.I. Herzen State Pedagogical University, 2004. — 639 p. [in Russian]